

Демографическая утопия «устойчивого развития»

То, что нас так много, компенсирует
недостаток ума каждого.

Ю. М. Лотман

Не следует пугаться привидений,
когда в вашем доме орудуют воры.

Английская поговорка

Сколько людей должно жить в России?

Похоже, Россия оказалась страной, научная общественность и политическое руководство которой с наибольшим энтузиазмом отреагировали на итоги представительного форума, состоявшегося осенью 1992 года в Рио-де-Жанейро. К началу 1995 года тематический каталог статей и книг на русском языке, посвященных обсуждению его идей, далеко превзошел сотню страниц, и подавляющее большинство этих работ выдержаны в восторженных тонах. В феврале 1994 года Президент подписал Указ о переходе Российской Федерации на модель «устойчивого развития»¹ а затем (!) был объявлен Всероссийский конкурс на разработку проекта концепции.

Как тут не вспомнить, что более двухсот лет назад знаменитый авантюрист и путешественник Дж. Казанова, побывав в России, отметил в качестве уникальной особенности ее жителей непоколебимую веру в указы. Но среди целого ряда несуразностей анекдотического характера, связанных с упомянутым Указом, следует выделить одну, по поводу которой смеяться не хочется. А именно, согласно «канонической» версии «устойчивого» (регулируемого) развития, население Земли должно быть сокращено в 6—10 раз («золотой миллиард»). В «патриотической» прессе уже появились сообщения о распisanной зарубежными гло-

---

¹ Это неудачный перевод английского термина *sustainable development* (от *sustain* — поддерживать), поскольку развитие предполагает наличие неустойчивых состояний. Более точно передает содержание концепции термин *регулируемое* развитие: целенаправленный контроль над происходящими изменениями, прогнозирование и компенсация наиболее опасных неустойчивостей и диспропорций развития.

Назаретян Акон Погосович — доктор философских наук, кандидат психологических наук,

балистами квоте по странам, согласно которой России предлагается к 2020 году свести численность населения до 50 млн человек [1].

Возможно, это очередная газетная «утка». Но ей поверили и некоторые солидные исследователи, поскольку, действительно, идея «золотого миллиарда» рано или поздно потребует конкретизации. В любом случае разработчикам Указа приходится срочно искать компромисс между идиллическим образом будущей гармонии и требованием уменьшить населенность страны. Это достигается простым приемом: другие страны должны сокращать население, а Россия не должна. Почему же? А потому, что в ней общая плотность населения якобы как раз соответствует экологическим требованиям «золотого миллиарда», и ее руководству остается всего лишь (!) равномерно перераспределить жителей по необъятному пространству: из европейской части в азиатскую, с юга на север [2].

Между тем элементарная критичность должна бы заронить в умах таких теоретиков подозрение. Не слишком ли гладко все выходит? Не оттого ли моя страна занимает в моих глобальных построениях столь привилегированную позицию, что она — *моя* страна? Подобными вопросами обязан задаваться серьезный ученый. Хорошо известно, что экологи Западной Европы, используя несколько иную аргументацию, приходят к совершенно аналогичным выводам: всем остальным следует сокращать население, а мы (Германия, Франция, Англия) без этого обойдемся. Готов держать пари, что энтузиаст концепции «золотого миллиарда» в любой стране Азии, Африки или Америки сможет объяснить, почему именно его страна, в отличие от всех прочих, свободна от необходимости депопуляции. Немного поднатужившись, я даже готов снабдить идеологов каждого государства-заказчика соответствующими доводами. И все они будут на первый взгляд столь же убедительны, а на поверку столь же несостоятельны, как и наши «отечественные» аргументы.

Прежде всего неверно, будто в России имеются громадные пространства, ждущие освоения человеком. Такая иллюзия возникает при поверхностном взгляде на политическую карту мира, где каждое государство окрашено однородным цветом, но исчезает при внимательном изучении физической карты. В современной географии используется понятие *эффективной территории* — той, что пригодна для длительного постоянного проживания людей. Специальные исследования позволяют выделить ее главные признаки: среднегодовая температура выше -2°C и высота до 2000 м над уровнем моря. По этому показателю Россия отнюдь не является самой большой страной мира, она уступает сегодня Бразилии, США, Австралии, Китаю [3]. Более двух третей нашей территории составляют «неэффективные» земли. Россия, будучи самой холодной страной мира (среднегодовая температура $-5,5^{\circ}\text{C}$), является единственной, где за Полярным кругом существуют города с населением более 100 тыс. человек. По данным медиков и биологов, в таких городах происходит ускоренная деградация человеческого генофонда, а экономисты и демографы констатируют массовый отток населения и прогнозируют неизбежное опустение таких регионов.

Но и это еще не все. «Эффективность» географической территории имеет градации. Так, энергозатраты на обеспечение нормативной жизнедеятельности человека при прочих равных условиях зависят от климата и обширности пространства, а потому, чтобы достичь благосостояния западных европейцев, на каждого россиянина нужно в среднем затрачивать в 3 раза больше энергии. И это — без учета различий в бытовой и производственной культуре — напрасно горящих лампочек, текущих кранов, затратных предприятий [3]...

Повторю, столь же уязвимы претензии на демографическую исключительность Германии или, скажем, Зимбабве. Коль скоро принимается за аксиому необходимость многократно сократить население планеты, то все дальнейшие оговорки типа «им» надо, а «нам» не надо, следует расценивать как проявление национального эгоцентризма. И такой стиль мышления с неумолимостью логической машины ведет к нагнетанию расовой нетерпимости, этнических и прочих конфликтов.

Тем более, что остается настезь открытым «технический» вопрос: *как* сокращать население? Оставим за скобками откровенно безнравственные (война, распространение голода, инфекций, прекращение экономической, медицинской помощи «третьим» странам) и совсем наивные (всеобщий уговор) рекомендации. Мне приходилось встречать в литературе только два предложения не слишком вульгарных и вместе с тем достаточно «предметных». Первое состоит в том, чтобы целенаправленно регулировать пол зародышей (такая возможность обеспечена современной биохимией), достигая глобального соотношения 9 родившихся мальчиков на 1 девочку; при таком раскладе рождаемость в следующем поколении должна резко снизиться. Второе — подмешивать в пищу, воду, даже распылять в воздухе псевдогормональные препараты, снижающие вероятность зачатия за счет усиления «очищающей селекции».

Нужно ли долго доказывать утопичность и опасность таких проектов? В конечном счете они опять-таки сводятся к задачам «уговорить», обмануть или заставить, а также к спорам о том, в каких регионах следует, а в каких не следует применять антипопуляционные меры.

Имея в виду все сказанное, интеллектуально честным приходится признать горький вывод академика Н. Моисеева: «Для того чтобы человечество не нарушало хрупкого баланса ресурсов, население планеты при нынешнем уровне технологий должно быть уменьшено раз в десять... А такое, вероятнее всего, невозможно. Значит, предсказанная Мальтусом катастрофа в той или иной форме неизбежна» [4, с. 89].

Я полагаю это рассуждение единственно последовательным. Приняв за неперемное условие выживания кардинальную депопуляцию планеты и убедившись, что приемлемых механизмов для этого не существует, логически мыслящий аналитик просто обязан заключить, что планета обречена на гибель. Таким образом, одно из центральных требований концепции «устойчивого» (регулируемого) развития в ее нынешнем варианте ведет к признанию неотвратимости Апокалипсиса и дает импульс настроениям безысходности и групповой нетерпимости. Поэтому самое время поставить вопрос без обиняков: либо существует реальная альтернатива депопуляции, либо долгосрочное сохранение жизни и цивилизации на нашей планете исключено.

Оттого ли нам плохо, что нас много?

Насколько мне известно, единственным крупным ученым, высказавшим в последние годы нетривиальные доводы против демографического алармизма, был американский экономист, историк и философ, лауреат Нобелевской премии Ф. Хайек. Он показал, что расширенное воспроизводство населения представляет угрозу только тогда, когда оно опережает внутреннюю дифференциацию общества, умножение функций в системе разделения труда, т. е. когда растет количество «одинаковых людей». В таком случае наращивание однородной массы не обеспечивается ростом производительности труда, а это действительно чревато перенаселением, миграциями и взрывами.

Однако простой закон Мальтуса теряет силу там, где увеличивается количество «разных людей», обеспечено пропорциональное демографическому росту умножение взаимодополнительных услуг, где отходы одних производств становятся сырьем для других и увеличивающееся число производителей находит место в системе, не наращивая нагрузку на природные ресурсы. В этом случае «рост населения, приводя к его дальнейшей дифференциации, может создать условия для еще большего роста населения, и в течение неопределенного времени его прирост, будучи самоускоряющимся, может вместе с тем служить предварительным условием для любого продвижения цивилизации как в материальной сфере, так и в духовной» [5, с. 210].

Книги Хайека переведены на многие языки мира. Но доминанта «демофобии» настолько сильна, что даже авторитет этого крупнейшего мыслителя не привлек

внимания научной общественности к его соображениям по данному вопросу. Сам я обратил на них внимание потому, что выводы Хайека хорошо согласуются с результатами моих собственных исследований.

Междисциплинарный анализ и сопоставление глобальных антропогенных кризисов от палеолита до наших дней обнаружили ряд достаточно общих причинных схем. В частности, удалось выявить историческую зависимость между технологическим потенциалом, качеством выработанных-культурой механизмов самоограничения и жизнеспособностью общества. Эта устойчивая зависимость была названа *законом техно-гуманитарного равновесия* (или *законом эволюционных корреляций*). Чем выше инструментальный потенциал общества, тем более совершенные средства сдерживания экологической и политической агрессии необходимы для его выживания. Нарушение внутреннего баланса инструментальной и гуманитарной культуры («силы» и «мудрости») ведет к обострению антропогенных кризисов, и многие цивилизации погибли именно из-за того, что оказались неспособны справиться с этим противоречием: подорвав природные и организационные основы существования, они пали жертвой собственного могущества.

Не впервые возникла перед человечеством и угроза глобального самоистребления. В целом цивилизация на нашей планете до сих пор жива благодаря тому, что люди, становясь сильнее, в конечном счете умели становиться с каждым разом мудрее. Преодолевая драматические (и вполне закономерные) кризисы эволюции, они создавали более щадящие технологии производства, последовательно совершенствовали духовную культуру, мораль, право, организационные основы, приемы внутригруппового, межгруппового и социоприродного компромисса.

Не пересказывая здесь подробно драматические уроки истории [6, 7], отмечу, что популяционный рост — одно из типичных проявлений присущей живому веществу агрессивности. При благоприятных условиях всякий биологический вид стремится к экспансии, захвату новых ареалов, экологических ниш [8], и человеческое общество также не свободно от такой тенденции. Относительная экологическая устойчивость палеолитических племен обеспечивается систематическим инфантицидом. В последующем историческом развитии, сопровождавшемся возрастанием ценности индивидуальной человеческой жизни и укреплением связи между родителями и детьми, эта кощунственная адаптивность первобытных сообществ («мудрость обычаев») была утрачена, что не могло не выразиться уплотнением кризисных циклов.

Правда, на протяжении тысячелетий низкая продолжительность жизни, высокая детская смертность, зависимость от капризов погоды и периодических эпидемий с большей или меньшей эффективностью ограничивали рост населения, а человек был не в силах, по большому счету, заблокировать этот естественный «регулятор», дополняя его систематически обострявшимися социальными конфликтами. Сегодня одно из проявлений нарушенного равновесия между силой и мудростью состоит в том, что мы уже способны свести детскую смертность к противоестественно низкому уровню, но пока не научились сознательно регулировать численность рождающихся детей. Отсюда — и демографический взрыв, и экспоненциальное накопление генетического груза. Тем не менее ситуация не столь безысходна, как это представляется алармистам. Доказательство этого положения я начну рядом исторических аналогий.

Если бы — вообразим невероятное! — 15—20 тысяч лет тому назад на Земле объявился ученый-глобалист, вооруженный знанием географии, экологии, математики, он бы строго доказал, что наша планета даже при сверхблагоприятных климатических и прочих условиях способна прокормить не более 5 млн человек². И это был бы более чем оптимистический расчет. На самом деле, когда население

² Число получено простым делением совокупной территории суши, не покрытой ледниками (несколько более 100 млн км²), на 20 км² — территорию, необходимую в среднем для прокорма одного охотника или собирателя.

планеты приблизилось к 2 млн, в средних широтах Евразии и Африки, где развитие шло наиболее динамично, разразился кошмарный по своим ближайшим последствиям (и чрезвычайно продуктивный по отдаленным) кризис верхнего палеолита. Только в нашем столетии ученым удалось по косвенным данным восстановить картину событий.

Овладев небывалыми по эффективности орудиями (дротики, копья, компьеметалки, лук со стрелами, ловчие ямы, прочая «охотничья автоматика») и освоив типичную для эпох экстенсивного роста психологию вседозволенности, люди превратились в безудержных разрушителей природы. Последняя не могла бесконечно выдерживать давление столь оснащенных, все более многочисленных агрессоров и стала необратимо деградировать. Исчезали популяции и целые виды животных, традиционно служивших объектами охоты (мамонты, пещерные медведи, некоторые породы лошадей, в Америке — слоны, верблюды). В результате обострилась смертельная конкуренция между племенами, и в короткий срок население сократилось на порядок. Дальнейшее существование человечества в очередной раз оказалось под угрозой. (Позже нечто очень похожее произошло на континентах Америки.)

Выходит, наш воображаемый эколог в профессиональном отношении был совершенно прав. Вместе с тем, зная дальнейший ход событий, можно констатировать, что в его рассуждение вкралась одна, сугубо «философская» ошибка: профессионал не учел творческий фактор развития, и в итоге действительность дезавуировала его расчет.

А именно, расчет строился на молчаливом убеждении в неизбежности известных экологу технологий, социальной организации и психологии. Но последовала неолитическая революция, охота и собирательство стали вытесняться качественно новыми способами жизнедеятельности — скотоводством, земледелием, — и ситуация решительно изменилась. При самом примитивном земледелии население вновь возросло в десятки раз, при более развитом — в сотни, а при ирригационном — в тысячи раз [9].

Земледельцу и скотоводу необходим значительно больший масштаб причинно-следственных представлений, нежели собирателю и охотнику, а также более сложная система социальных связей. Поэтому переход к производящему хозяйству сопровождался существенно возросшим информационным объемом интеллекта и ростом социального разнообразия: возникли беспрецедентные формы межплеменной кооперации, привычные для палеолита геноцид и людоедство уступили место зачаточным формам «эксплуатации человека человеком» (сельскохозяйственные и «воинственные» племена). Весь этот комплекс революционных преобразований и обеспечил кардинально увеличившуюся вместимость экологической ниши, что заранее трудно было предвидеть.

В последующем наш бессмертный эколог неоднократно попадал бы впросак с экстраполяционными расчетами, актуально вполне достоверными, но игнорирующими творческий фактор развития. Так, все признаки эволюционного тупика отчетливо обозначились в Европе к середине II тысячелетия новой эры. Быстро сокращался лесной покров, смертоносная вода из образовавшихся болот стекала в реки вместе с отходами бесконтрольно растущих городов. Экологический кризис вызвал рост социальной напряженности и эпидемии. В XIV веке «черная смерть» погубила почти половину населения Западной Европы, перекинувшись и в Россию, но даже такое бедствие не пресекло сложившихся тенденций [10]. По свидетельству историков, при Иване Грозном площадь лесов на территории Москвы и Подмосковья вдвое уступала нынешней, в Москве-реке не осталось рыбы. Между тем количество жителей области исчислялось тогда десятками тысяч, и имелись все основания утверждать, что их дальнейший рост приведет к окончательной экологической катастрофе. Но кризис сельскохозяйственной цивилизации разрешился промышленной революцией с сопутствующими ей преобразованиями политической, экономической организации, идеологии — и

в близких к экологическому истощению регионах Европы население возросло на один-два порядка...

Такого рода примеры можно умножить. Они уже сами по себе заставляют усомниться в общезначимости плоской модели, предложенной Т. Мальтусом и связывающей между собой всего два параметра: количество населения и актуально доступные ресурсы. Производя расчеты в мальтузианской парадигме, неизменно принимают за *константы* те социально-культурные параметры, которые на самом деле являются, во-первых, *переменными*, а во-вторых, определяющими демографическую вместимость территории (и планеты в целом).

Пренебрегая этим обстоятельством, современные экологи совершают ту же ошибку, какую мог бы совершить в прошлом эколог гипотетический. Они не умеют отвлечься от эмпирически наблюдаемых реалий, попадают под гипноз цифр и прямолинейных экстраполяции, а в результате теряют стратегическую перспективу и формулируют глобальные выводы, антигуманные и опасные по существу.

Если не над способами сократить население планеты (один другого утопичнее), то над чем же сегодня должна работать конструктивная мысль ученых, философов и государственных деятелей? Обобщения кибернетической теории систем и синергетики в совокупности с конкретно-историческими сопоставлениями позволяют выделить те «промежуточные переменные» в системе социальной жизнедеятельности, от которых решающим образом зависит допустимая населенность. Их можно свести к трем наиболее общим компонентам: удельной продуктивности технологий (объем разрушений среды на единицу полезного продукта), качеству экономической, политической организации (внутреннее разнообразие общества) и качеству духовной культуры (информационная размерность интеллекта, утвердившиеся нормы морали, права и т. д.).

И здесь обнаруживается решающее обстоятельство. Изучение механизмов творчества показывает, что в бесконечно сложном мире любые принципиальные ограничения на техническую осуществимость обоснованы в рамках определенной концептуальной модели, но при выходе в концептуальную «метасистему» неуправляемые константы превращаются в управляемые переменные — и таким образом принципиально нерешимые прежде задачи оказываются решены. Именно за счет этого творческого механизма людям (а еще раньше — живой природе) до сих пор удавалось преодолевать ограничения, накладываемые объективными законами, не нарушая и тем более не изменяя сами эти законы, но опираясь на более общую систему объективных зависимостей [11, с. 91—94]. По сути, выясняется, что нет принципиально нерешимых проблем, но есть проблемы, для решения которых данный интеллект неадекватен. В свою очередь, этот вывод лишает основания любые расчеты абсолютных чисел допустимой населенности — речь может идти только о предельной вместимости территории *при наличии качества технологий, социальной организации и общественного сознания*.

Сегодня лишь несколько процентов расходуемой человечеством энергии воплощается в конечный полезный результат, а львиная доля ее уходит в буквальном смысле на согревание воздуха, так что в принципе существует масса способов увеличивать активное население, сокращая одновременно нагрузку на природу. Так, кардинальное повышение удельной продуктивности может быть связано с интенсивным развитием информационных технологий. Резко сократив расход энергии и вещества и наращивая отдачу плодородной почвы, снижая нагрузку на транспорт и переводя гонку вооружений в область компьютерных моделей без воплощения продукции «в металле», переориентируя удовлетворение многих человеческих потребностей в сферу «виртуальной реальности», информационная революция при оптимальном воплощении могла бы вместе с тем существенно повлиять на образ мысли ближайших поколений.

Параллельно ведутся поиски альтернативных источников энергии. Налет утопизма присутствует едва ли не в каждой новой разработке. Но уже испытан экспериментальный образец вакуумного двигателя на торсионных полях (очеред-

ной вариант *perpetuum mobile*?), далеко не исчерпаны возможности ядерной, солнечной энергетики, а использование геофизических и космических ресурсов остается делом будущего. Все это в сочетании с перспективами генной инженерии, интегрального человеко-машинного интеллекта могло бы обеспечить частичное претворение в жизнь прогноза В. Вернадского о переходе цивилизации к автотрофному существованию.

Разумеется, я рассуждаю в рамках более или менее известного (известного лично мне, не специалисту в области новейших технологий), оставляя за скобками вероятность высокооригинальных и потому непредсказуемых открытий. В данном случае достаточно отметить, что в принципе, с чисто технологической точки зрения, сокращение нагрузки на природу без сокращения человеческой популяции вполне достижимо.

При этом новые инструментальные возможности непременно принесут с собой новые трудности, противоречия и глобальные проблемы, а значит, и новые требования к человеку [7]. В целом как динамика технологического обновления цивилизации, так и его последствия решающим образом зависят от социально-экономического, политического и культурно-психологического контекста. Но именно в данных сферах направление, содержание, скорость изменений особенно трудно прогнозировать.

Здесь я бы прежде всего выделил ряд исторически беспрецедентных и обнадеживающих фактов, которые следует оценить по достоинству. На протяжении пяти десятилетий самые мощные средства разрушения не применяются на поле боя, и острейшие противоречия между военными сверхдержавами удается разрешить политическими средствами (или переводить в русло локальных конфликтов). Образуется беспрецедентный тип межгосударственных коалиций (политических, экономических, экологических), не направленных против третьих сил. Разрабатываются гибкие механизмы регионального и глобального компромисса, вплоть до поэтапного стирания государственных границ, планируемые стратегии щадящего природопользования.

Подобного рода факты свидетельствуют о том, что очередной эволюционный «вызов» человечеством осознан и принят. Но они пока выглядят проблесками на фоне весьма настораживающих тенденций. Так, весьма неоднозначными последствиями чреват глобальный геополитический передел, начавшийся с развалом СССР, охватывающий многие регионы планеты и сопровождающийся всплеском национального эгоизма. Большую опасность представляет рост ретроградных настроений, в особенности «религиозный ренессанс», грозящий новым и при существующих технологиях драматическим расколом мировой цивилизации [12,13].

Таким образом, реальные тенденции весьма противоречивы, а среди вариантов дальнейшего развития событий нельзя исключить и самые катастрофические сценарии. Стараясь по возможности избежать недоразумений, подчеркну, что я отнюдь не игнорирую, в числе прочих, опасности, связанные с бесконтрольным демографическим ростом, полагаю предупреждения экологов в общем своевременными и признаю необходимость рационального регулирования рождаемости. Но давайте верно расставлять акценты! Если цивилизация на нашей планете рухнет под обломками техносферы, так и не выбравшись из фазы глобальной антропогенной неустойчивости, то причиной этого крайне печального итога станут не само по себе технологическое могущество и не обусловленное им демографическое перепроизводство. Причина будет состоять в том, что на сей раз культура не справилась с диспропорциями развития, не успела привести гуманитарный интеллект в соответствие с интеллектом инструментальным, прежде чем сползание к пропасти сделалось необратимым.

Убежден, что верная расстановка акцентов способна повысить эффективность антикризисных мероприятий. Думать надо не о том, где и как «известить» население — это направление мысли самоубийственно, — но о динамичной перестройке социально-политических, экономических структур, о формировании и распространении мировоззренческих, правовых, морально-этических основ, эквивалент-

ных новым требованиям истории. К числу таких требований (см. подробнее [7]) относится ускоренный рост внутреннего разнообразия, а в психологическом плане — очень высокий уровень терпимости к различиям, не имеющий аналогов в прежних культурах...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кургинян С, Кудинова А., Ретин В.* Что есть устойчивое развитие? // *Завтра.* 1995. № 16.
2. *Урсул А. Д.* Перспективы эволюции государства в модели устойчивого развития // *Общественные науки и современность.* 1996. № 2.
3. *Клименко В. В.* Россия: тупик в конце туннеля? // *Общественные науки и современность.* 1995. № 5.
4. *Моисеев Н. Н.* Природный фактор и кризисы цивилизации // *Общественные науки и современность.* 1992. № 5.
5. *Хайек Ф. А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
6. *Григорьев А. А.* Экологические уроки прошлого и современности. Л., 1992.
7. *Назаретян А. П.* Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического прогресса). Курс лекций. М., 1996.
8. *Сухомлинова В. В.* Системы «общество» и «природа»: разнообразие, устойчивость, развитие // *Общественные науки и современность.* 1994. № 4.
9. *Коротаев А. В.* Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития.* Сб. научных трудов. I. М., 1991.
10. *Гофф Ле Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
11. *Назаретян А. П.* Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. Очерки междисциплинарной теории прогресса. М., 1991.
12. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // *Полис.* 1994. № 1.
13. *Назаретян А. П.* «Столкновение цивилизаций» и «конец истории» // *Общественные науки и современность.* 1994. № 6.

© А. Назаретян, 1996